

Ита ФЕДОРОВСКАЯ, Наталия МЕСЯЦ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ АМЕРИКИ

В периодической русскоязычной печати Америки достаточно часто появляются материалы, связанные с теорией и практикой перевода. Они представляют определённый интерес для специалистов, изучающих историю перевода художественных текстов с русского языка на английский и с английского на русский в Америке, соответствие перевода оригиналу, влияние личности переводчика на перевод и др. При Американском центре Пен-Клуба создан специальный комитет по переводу, цель которого – поддержка американских переводчиков и совершенствование искусства перевода. Каждый год комитет присуждает премии за перевод на английский язык произведений художественной литературы и проводит программу “Мир в переводе”. В течение месяца по всей Америке проходят чтения, дискуссии, выставки, посвященные художественным переводам. Об интересе к переводам с русского языка свидетельствует состоявшаяся 4 мая 2000 г. в Нью-Йорке программа “Незавершенные переводы” (“Works in Progress”), которая была посвящена переводам с русского языка. В рамках программы состоялось чтение и обсуждение новых переводов. В дискуссии принимали участие вице-президент Международного Пен-Клуба Майкл Скаммелл, писатель Питер Глазголд, известные переводчики русской литературы – Антонина Буис, Питер Константин, Аннета Гринли и Мариан Шварц.

Питер Глазголд – председатель комитета по переводу Пен-Клуба с 1981 по 1991 год – рассказал о первых американских переводах русской литературы, вышедших в издательстве “Новые направления” (“New Directions”), основанном ещё в 1936 году Джеймсом Локлином, где вышел первый написанный на русском языке роман Владимира Набокова “Истинная жизнь Себастьяна Найта”, а также литературная биография “Николай Гоголь” и книга “Три русских поэта” (переводы поэзии А.Пушкина, М.Лермонтова, Ф.Тютчева). Среди переводчиков русской художественной литературы Питер Глазголд выделил Констанс Гарнетт, перу которой принадлежат почти все переводы на английский язык произведений Ф.Достоевского, Л.Толстого, А.Чехова.

Участница дискуссии Антонина Буис, известная переводами “Пикника на обочине” Стругацких, “Живи и помни” В.Распутина, “Аэлиты” Алексея Толстого, “В поисках грустного бэби” и “Скажи *изюм*” Аксенова, мемуаров Андрея Сахарова, Елены Бонар, Льва Копылева (всего более пятидесяти

книг), прочитала переводы фрагментов из книги парижанина Александра Васильева “Красота в изгнании” (1998 г.). Автор – театральный художник и коллекционер – рассказывает об огромном влиянии культуры, стиля, дизайна, моды и этики русской “белой эмиграции” на западный мир.

О работе над переводом полного собрания рассказов Исаака Бабеля рассказал Питер Константин, поистине легендарный переводчик, который профессионально переводит более чем с двадцати языков (датского, голландского, корейского и др.). Его первый большой литературный перевод не изданных ранее на английском языке рассказов А.Чехова, которые он собрал из периодических изданий в Нью-Йоркской публичной библиотеке, в 1999 году получил национальную награду США по переводу.

Участники целевой программы были удивлены заявлением известной переводчицы Мариан Шварц о её намерении заново перевести роман Л.Толстого “Анна Каренина”. Это решение было принято переводчицей, когда, перечитывая роман, она вдруг поняла, что в существующем переводе утрачена музыка, утрачен “волшебный звук толстовской речи”. Мариана Шварц известна в Америке как переводчик двадцати книг, среди которых воспоминания М.Цветаевой о М.Кузьмине “Нездешний вечер”, воспоминания Михаила Горбачёва, книга Э.Радзинского “Жизнь и смерть Николая Второго”, числившаяся в списке бестселлеров газеты “Нью-Йорк Таймс”. Переводческое творчество Марианы Шварц свидетельствует о том, как переводчик может повлиять на признание писателя читающей публикой другой страны. Именно благодаря ей читатели Америки узнали и полюбили Нину Берберову.

Проблема соответствия перевода оригиналу постоянно находится в центре внимания американских специалистов в области теории и практики перевода. Приверженность переводчика содержательной канве оригинала как будто бы ни у кого не вызывает сомнений, однако на практике этот постулат довольно часто не соблюдается. В качестве примера может служить материал “Последняя любовь Маяковского”, опубликованный в двух номерах газеты “Новое русское слово” (3-4 августа и 10-11 августа 2002 года). Эта публикация представляет собой перевод на русский язык статьи американской писательницы и журналистки Френсис дю Плесси-Грей, дочери Татьяны Яковлевой.

Статья была написана в 1999 году, когда после смерти матери Френсис впервые получила доступ к её личным архивам и ей открылись прежде не известные детали из жизни великого русского поэта, а 7 января 2002 года она была опубликована в журнале “New Yorker” под названием “Mayakovsky’s last loves”. Обращает на себя внимание тот факт, что слово “любовь” поставлено в возможную для английского языка форму множественного числа, хотя автор очерка рассказывает о взаимоотношениях своей матери и русского поэта, и логично было бы иное название (“Mayakovsky’s last love”). Но после чтения всего материала становится ясно, что для автора

прежде всего важна историческая правда. Поступаясь в какой-то мере фамильной гордостью, Френсис рассказывает в очерке еще об одном сильном чувстве В.Маяковского, которое он испытал после полного разрыва с Татьяной Яковлевой – о его любви к Веронике Полонской, также не ответившей ему взаимностью. Становится понятным выбор формы множественного числа для слова “любовь”. Переводчики текста Изабелла и Юрий Фальковы столкнулись с проблемой: как перевести на русский язык слово “loves”, ведь абстрактное существительное “любовь” в русском языке не имеет формы множественного числа, так как относится к разряду “singularia tantum”. Это грамматическое несоответствие между английским и русским языками поставило переводчиков перед дилеммой: сохранить в переводе семантику оригинала при разрушенной грамматической структуре названия или найти в русском языке другие языковые средства. Переводчики пошли по первому пути и назвали очерк “Последняя любовь Маяковского”, однако редактор перевода, ведущая в газете “Новое русское слово” раздел “Глаголь” Ирина Лейкина, понимая серьёзную натяжку в русском переводе названия, в преамбуле к очерку приносит читателям извинения, поясняя, что “в русском языке это слово существует только в единственном числе. Поэтому заголовок изменён, что, к сожалению, изменило его глубинный смысл”. Второй путь допускал изменения в названии при сохранении “глубинного смысла”. Очерк можно было назвать “Последние любовные драмы Маяковского” или что-нибудь подобное. Не побоялся же политический обозреватель той же газеты, анализируя бестселлеры, опубликованные в “Нью-Йорк Таймс”, перевести название книги популярной в Америке журналистки Пегги Нунэн “When Character Was King” выражением, не содержащим ни единого слова оригинала – “Когда нравственность что-то значила” [1]. И это вполне оправдано, ибо дословный перевод английского фразеологизма не раскрыл бы русскому читателю подлинного смысла названия упомянутого бестселлера – развёрнутой биографии президента США Рональда Рейгана.

Поверхностное, небрежное отношение к оценке семантических полей соотносительных слов языка оригинала и языка перевода также способно разрушить образно-смысловую структуру переводного произведения. В качестве примера рассмотрим статью “Путешествие по Санкт-Петербургу”.

“Crossing St.-Petersburg” редактора отдела “Путешествия” Томаса Свика во флоридской газете “Sun-Sentinel”. В путевых заметках журналист знакомит читателей с достопримечательностями Санкт-Петербурга. Описывая знаменитый Аничков мост через Фонтанку, автор оживляет свой рассказ ссылкой на песенку “Чижик-Пыжик”, известную с детства каждому русскому.

Русское слово “рюмка” (ёмкость для употребления алкогольного напитка) автор переводит английским glass (стакан). Не углубляясь в анализ русских лексем “рюмка” и “стакан” и английского слова glass [2], можно отметить, что семантически стакан и рюмка далеко не одно и то же.

Эти различия особенно принципиальны, когда речь идет о количестве выпитого алкоголя: одно дело пить водку рюмками и совсем другое – стаканами. Возможно, кто-то мог бы заподозрить автора перевода в преднамеренном смещении слов “рюмка” и “стакан” с целью выставить русских людей в глазах американцев как пьяниц. Однако, к счастью, времена политического противостояния канули в прошлое, да и сам Томас Свик откровенно обеспокоен тем, что в Америке преобладают негативные оценки русских реалий. Своим отчетом о поездке в Санкт-Петербург он как раз хотел внести свою лепту в процесс своеобразной реабилитации русского человека за рубежами России. Но, как видим, неудачный перевод цитируемого отрывка из популярной песенки помешал переводчику это сделать. Чтобы избежать подобных курьезов, переводчику необходимо обладать кругозором историка, этнографа, лингвиста. Видный американский лингвист Грегори Рабасса, переводчик Гарсиа Маркеса на английский язык, подчеркивал опасность, с которой сталкивается любой переводчик при выборе языкового средства из ряда возможных. По мнению ученого, переводчик должен отличаться тонкой проницательностью, гипертрофированной осторожностью, постоянным недоверием к самому себе и, наконец, энциклопедическими знаниями в области чужой культуры, которую и следует рассматривать как объект перевода [3: 35-44].

Статья Г. Рабассы чрезвычайно интересна для специалистов в области перевода, в ней много тонких наблюдений, интересных мыслей и глубоких выводов о высоком искусстве перевода. Русский читатель заметит, что в системе аргументов автора находится и русский поэтический материал, причём почти в заглавной роли, в качестве эпиграфа к статье автор выбрал стихотворение А.С. Пушкина “Незнакомка”.

Для переводчика русских текстов чрезвычайно существенны знания русских реалий. Именно поэтому известная французская переводчица Лили Дени, которая переводила Ф.Достоевского, А.Чехова, Александра Островского, А.Платонова, В.Тендрякова, Б.Пастернака, О.Мандельштама, В.Шукшина, Ч.Айтматова, В.Катаева, М.Козакова, Ю.Трифонову, Э.Радзинского, несколько оперных и балетных либретто, часто подолгу жила в России, где впитывала в себя русскую культуру, постигала русские реалии. Свой отказ переводить А.Солженицина она объяснила так: “Я не хотела слишком привязываться к диссидентству. Мне надо было ездить в Россию” [4].

Концептуальная и фактологическая точность перевода – непереносимое, но далеко не единственное его достоинство. Стремясь к предельной адекватности в содержании, переводчик одновременно должен заботиться о максимальном сохранении таких параметров, как стиль, размер, рифма – всего того, что Мариан Шварц назвала “музыкой авторской речи”. О важности этого аспекта перевода может свидетельствовать отношение Иосифа Бродского к переводам своей поэзии на английский язык. Первые переводы стихов И.Бродского, осуществлённые с согласия автора

Джорджем Л.Кмайном, безоговорочно нравились всем и лишь у требовательного автора вызывали сомнения. Поэтому, приехав в Америку, И.Бродский стал принимать самое активное участие в переводах своих стихов на английский язык, при этом всюду, где это было хоть как-то возможно, стремился сохранить размер и рифму [5].

Сохранение в тексте перевода размера и рифмы оригинала требует от переводчика незаурядного таланта. Это понимали даже партийные функционеры в союзе писателей СССР. Не пропуская в печать оригинальных стихотворений таких поэтов как Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский, Мария Петровых, Семён Липкин, они привлекали авторов к переводческой деятельности. Так, в середине 30-х годов из двух переводов поэмы Сулеймана Стальского “Дагестан”, сделанных А.Сурковым и С.Липкиным, предпочтение было отдано последнему. Семён Липкин вспоминал: “Сурков перевёл содержание довольно правильно, но не передал музыку стиха...” [6].

Успех Семёна Липкина объясняется старательным отношением к переводу, изучением основ языка, с которого приходилось переводить, проникновением в историю, этнографию и культуру народа. С.Липкину принадлежат переводы калмыцкого эпоса “Джангар”, бурятского “Тэсэр”, татарского “Идегей”, “Акадского сказания о Гильгамаше”, фрагменты индийского “Махабхараты”, поэм “Фердоуси”, “Джами”, “Навои”.

Важность сохранения ритмического рисунка, размера, системы рифм, мелодики стиха в переводах поэтических произведений подчёркивается в материалах, посвящённых 150-летию со дня смерти Эдгара Аллана По и присланных в “Новое русское слово” неким Майклом Кайзером, который двадцать пять лет занимался переводом произведений Эдгара По на русский язык. Особый интерес представляют переводы “коронного”, так сказать, стихотворения Э.По “Ворон”. Майклу Кайзеру удалось собрать около двадцати русских переводов этого произведения, в числе которых переводы, принадлежащие перу известных поэтов серебряного века В.Брюсова и К.Бальмонта. Но лучшим, по мнению М.Кайзера, оказался перевод выходца из России Г.В. Голохвастова. “Прочитав первую строфу, я понял, что Голохвастов на голову выше всех других переводчиков”, – утверждал М.Кайзер. Благодаря научным исследованиям М.Кайзера перевод “Ворона”, принадлежащий Г.В. Голохвастову и впервые опубликованный в марте 1938 года, был извлечён из забвения и возвращён современному читателю. Перевод Г.Голохвастова был переиздан Б.А. Завалишиным в Нью-Йорке в 1944 году и сопровождался статьёй самого издателя. Удивляет, что в современных литературоведческих работах при анализе русских переводов “Ворона” этот перевод игнорируется [7]. Чтобы читатель почувствовал всю близость перевода Г.Голохвастова к оригиналу, приведём фрагмент из этого перевода:

*Я весьма дивился, вчужде, слову птицы неуклюжей, –
Пусть и внёс ответ несвязный мало смысла в разговор, –*

*Всё ж не странно ль? В мире целом был ли взыскан кто уделом
Лицезреть на бюсте белом, над дверями – птицу гор?
И вступала ль птица с кличкой “Никогда” до этих пор
С человеком в разговор?
Но на бюсте мертвооком, в отчужденье одиноком
Сидя, Ворон слил, казалось, душу всю в один укор:
Больше слова не добавил, клювом перьев не оправил, –
Я шепнул: “Меня оставил круг друзей уж с давних пор:
Завтра он меня покинет, как надежд летучих хор.
“Никогда!” – он мне в отпор.”*

В переводе Г.Голохвастова утрата в рефрене “Nevermore” компенсирована целым рядом русских слов в строфе, рифмующихся финально “ор”, что позволило сохранить магию звучания первоисточника. К подобному решению ближе всего подошёл Аталене (псевдоним одесского поэта начала XX в. В.С. Жаботинского), однако ему не удалось “справиться” со словом “nevermore”, которое переводчик оставил в русском тексте. Г.Голохвастов сумел “преодолеть” барьер этого слова, сохранив при этом силу его конца. Не такого ли совершенства жаждал Иосиф Бродский в переводах своих стихов?

О том, как бесконечно важно для читателя и слушателя уловить звучание первоисточника, рассказывает известный режиссёр Московского театра “Современник” Галина Волчек. Корреспондент журнала “Вестник” задал ей вопрос, относящийся к предмету нашего разговора: “Я был на нескольких ваших спектаклях на Бродвее, в Атлантик-Сити. Не кажется ли вам, Галина Борисовна, что при синхронном переводе что-то драгоценное, тонкое, важное для режиссёра всё-таки уходит?” В ответ Галина Волчек описала жизненную ситуацию, красноречиво подтверждающую правомерность вопроса: “...в Сиэтле мы играли полтора месяца! Я подглядывала в зал и увидела, что Аль Пачино, например, сидел с одним наушником. Одним ухом слушал, а вторым – ловил интонации, какой-то ритм спектакля” [8].

Известный режиссёр и переводчик Курт Колумбус, перу которого принадлежат американские версии пьес Л.Разумовской “Дорогая Елена Сергеевна”, комедии А.Островского “На всякого мудреца довольно простоты”, пьесы Э.Радзинского “Беседы с Сократом” и многочисленных произведений А.Чехова, отмечает, что большинство переводов пьес А.Чехова сделано англичанами, а не американцами. Он пишет: “...американским актёрам приходится играть и русскую и как бы английскую пьесу. К тому же в этих старых переводах не передана чеховская ирония. Но ведь важно и звучание на языке первоисточника” [9]. К.Колумбус убеждён, что переводчик должен постараться услышать в оригинале то, что хотел до читателя и слушателя донести автор. Для переводчика чрезвычайно важным является чувство меры. Язык перевода не должен оказаться слишком современным, когда чеховские герои

заговорят на американском сленге. Это убеждение близко и Грегори Рабассе, по мнению которого переводчик должен быть скромным, осмотрительным, всегда сомневающимся в выборе языковых средств, уважительно относящимся к чужим мыслям и словам, но в то же время он должен быть смелым и оригинальным в своём переводческом творчестве. В этом смысле перевод можно отнести к искусству барокко, когда один художник создаёт структуру, которую другой должен расцветить красками своей собственной культуры [3: 41].

Именно такой принцип поможет переводчику, не разрушая смыслового замысла автора, создать на своём языке достойное оригинала высокохудожественное произведение, которое будет близким и понятным читателям и слушателям другой страны, другой эпохи. Подход к переводу как к коллективному творчеству дал основание Г.Рабассе пошутить о том, что бедные греки должны были читать только одного Гомера, их Гомера, а вот мы, ныне живущие, имеем счастье читать и наслаждаться многими Гомерами. Эта шутка переводчика для украинского читателя имеет особый смысл, потому что одним из таких “Гомеров” является великий жытомирянин Николай Васильевич Хомичевский, знаменитый Борис Тен, друг и соратник по переводческой деятельности Евгения Михайловича Кудрицкого.

1. Александр Лазарев. Приоритеты читающей Америки // Новое русское слово. – 2002. – 26-27 января. – С. 16.
2. The Oxford American Dictionary and Language Guide. № 4. – Oxford, 1999. – P. 412.
3. Gregory Rabassa. Words cannot Express... The Translation of Cultures // Translation Latin America: Culture as Text. – Ed. Julio Rodrigues-Luis and William Luis. – 1991.
4. Кому нужны русские писатели в Париже // Новое русское слово. – 2001. – 10-11 марта. – С. 34.
5. Александр Сумеркин. Английский “дом” Иосифа Бродского // Новое русское слово. – 27-28 января, 2001. – С. 34.
6. Семён Липкин: “Я переводил старательно!” // Новое русское слово. – 2002. – 8-9 января. – С. 40.
7. Александр Лейзарович. Поэты США порусски // Вестник. № 9. – 2002. – апрель. – С. 49-50.
8. Владимир Нудов. Галина Волчек: Больше всего в мире в людях я ценю верность // Вестник. № 11. – 2002. – С. 15.
9. Ванкарем Никифорович. В чеховском зеркале (разговор с американским переводчиком “Дяди Вани”) // Новое русское слово. – 2001. – 14-15 июля. – С. 42.